

DOI 10.31029/vestdnc73/5

УДК 94(470.67)07

ДЕРБЕНТ И ДЕРБЕНТСКОЕ ХАНСТВО В ОПИСАНИИ НЕМЕЦКОГО УЧЕНОГО, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ ЯКОБА РЕЙНЕГГСА

Б. Г. Алиев, ORCID: 0000-0001-8009-9087

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Статья посвящена историографическому анализу сведений о Дербенте и Дербентском владении, имеющих в сочинении немецкого ученого, доктора медицины Якоба Рейнеггса, бывавшего два раза в Дагестане, в том числе и в Дербенте, в конце 1770-х и начале 1780-х годов, где он собрал интересный материал по различным вопросам истории, социально-экономического развития и политического положения дагестанских народов.

The article is devoted to the historiographic analysis of the data on Derbent and its area, which are the part of the writing work of the German scientist, doctor of medicine Jacob Rejnegg, who twice visited Daghestan and, particularly, Derbent, at the end of the 1770-s and the beginning of the 1780-s, and collected interesting material on various questions of history, social and economic development and political position of the Daghestan peoples.

Ключевые слова: Я. Рейнеггс, Дербент, Александр Македонский, Кирхляр, Кубад, Абу-Муслим, ворота, стены, границы, земля, виноградарство, сады, шелковые заводы, торговля, Фатали-хан.

Keywords: J. Rejnegg, Derbent, Alexander the Great, Kirkhyar, Kubad, Abu Muslim, gate, walls, borders, land, viticulture, gardens, silk manufacturing, trade, Fatali-Khan.

Все, кто посещал Дагестан, а среди них были люди разного рода занятий (дипломаты – члены различных русских и иностранных посольств, проезжавшие по территории Дагестана в страны Ближнего и Среднего Востока, ученые – участники различных научных экспедиций, путешественники, военные и т.д.) обязательно бывали в древнем Дербенте, который слыл наиболее достопримечательным городом не только Дагестана, но и всего Кавказа.

Конечно, и Я. Рейнеггс, будучи довольно долго на Кавказе, и в частности в Грузии, где он служил у царя Кахетии Ираклия II, был наслышан о Дербенте. Когда он посетил Дагестан, был и в Дербенте, где, как видно из уделенного городу места в его сочинении (целых 8 страниц), собирал все, что было возможно собрать по его истории и социально-экономическому и политическому положению. И действительно, Я. Рейнеггсом собран интересный материал по многим вопросам истории Дербента, начиная от его возникновения и до правления Фатали-хана, т.е. до того времени, когда ученый побывал в Дербенте.

Описание Дербентского ханства Я. Рейнеггс начал прежде всего с его расположения. Он, в частности, писал: «От правого берега Теребаха или Тервака (Дарбаха. – Б.А.) начинается уезд Дербентский, с западной его стороны весьма в близком расстоянии граничит он с Табасараном и горскими жителями, ко востоку с морем, к югу его далее простираются» [1, с. 280]. Далее Я. Рейнеггс объяснял, что означало название Дербент, в связи с чем отметил: «Город сей провинции, которой прежде название Каспийскими воротами, имеет одинаковое с нею название Дербент, Дарбант, что значит крутую каменистую и непроходимую дорогу» [1, с. 280]. Побывавший в Дербенте немногим ранее Я. Рейнеггса академик Русской академии наук С.Г. Гмелин писал, что Дербент от запада защищает

«цепь или соединение высоких гор и там остается только приморская сторона, с которой опасности ожидать должно. Для сих причин (по этой причине. – Б.А.) назван сей город Дербентом, что на персидском языке значит крепкий город» [2, с. 15]. Еще ранее голландский художник и путешественник Корнелий де Брейн, посетивший в начале XVIII в. Восточный Кавказ, писал, что «слово Дербент значит город, лежит на северо-западе Изии (Азии. – Б.А.) и царства Персидского, на границах Грузии и Курии, между Каспийским морем и горой Кавказ, где находится узкий проход» [1, с. 149].

На самом деле название города Дербента «имеет персидское происхождение в дословно означает «Узел ворот», «Связь, замок ворот» («дар», ворота, «банд» – связь, узел, запор)». Но кроме «персидского, Дербент имел еще более двадцати названий, отражающих географические и стратегические особенности его положения» [3, с. 8].

Далее, характеризуя Дербент, Я. Рейнеггс писал, что «он стоит на восточном конце Кавказа, при подошве его на широкой и отлогой горе и разделяется на три части, коих вид с моря наиприятнейшее зрелище составляет» [1, с. 280].

Остановившись на этническом составе населения города, Я. Рейнеггс прежде всего отметил, что в Дербенте «считается 1200 худо построенных домов, в коих живут магометане, армяне, грузины и жиды», которые «заражены ... гордостью, что город их построен Александром Великим» [1, с. 280]. Легенда о строительстве Дербента Александром Македонским была наиболее распространенной, и каждый, кто описывал город, писал об этом. Но местные жители не могли привести доказательств правдивости легенды, да и сам Я. Рейнеггс усомнился в этом, и, обследовав находящиеся на южной стороне от Дербента большие гробницы «над тяжелыми камнями», где находились кости человека, писал, что «нет никакого знака, даже единой литеры, из которой можно было заключить, что сотлевший сей человек македонянин» [1, с. 280].

Прервав легенду об Александре Великом, Я. Рейнеггс описал знаменитые гробницы Дербента – Кырхляр. В частности, о них он писал: «Гробницы 40-ка героев, лежащих подле города Дербента, также покрытые камнями необычайной величины, дербентская история называет Кирклар». И далее он писал, что согласно этой истории «40 человек из любви к богу, к раю и пророку клятвою между собою обязались в один день друг с другом умереть в некоем сражении, которое арапы имели с гаганом». Уничтожив много противников, эти герои нашли «желанную ими смерть, тела их зделались нетленными, творили неслыханные чудеса и наконец подле Дербента были погребены, где чрез долгое время великую честь им воздавали, да и поныне еще некоторые, происходящие от них семейства, называемыя Кирклар Огланлар, находятся в особом почете» [1, с. 280].

Кладбище Кырхляр сохранилось и существует поныне. Это, действительно, кладбище сорока воинов, сороковник, расположенный за северной городской стеной против ворот Кырхляр-капы. Это группа могил, почитаемая местными жителями. По преданию, здесь захоронены сорок арабских воинов – шахидов (борцов за веру), павших в 662 г. в битве против хазар.

Надгробия кладбища Кырхляр – это монолитные каменные саркофаги полуцилиндрической формы, частично выдолбленные внутри. Они разной величины, наиболее крупные достигают длины три с половиной метра при ширине и высоте до одного метра [3, с. 128].

Что касается населения Дербента и его этнического состава, то Я. Рейнеггс был неправ, что здесь проживали «магометане», под которыми надо иметь в виду местное дагестанское население и в особенности азербайджанцев и представителей из ближнево-

сточных стран, переселенных персами и арабами. Здесь жили и армяне, и грузины, и евреи, которые занимались торговлей. Еще в 1728 г. участник Каспийского похода Петра I 1722 г. майор И.-Г. Гербер писал, что в Дербенте живут «много купецких людей из персиянов, армянов, грузин и индийцев» [4, с. 86]. Еще раньше немецкий ученый – математик, астроном и географ Адам Олеарий, побывавший в 30-е гг. XVII в. в Дагестане, а вслед за ним голландский путешественник и ремесленник Ян Стрейс (бывал в Дагестане в 70-е гг. XVII в.) писали, что в Дербенте живут лишь магометане и здесь нет христиан [5, с. 487; 6, с. 236].

Продолжив описание преданий об Александре Македонском, Я. Рейнеггс остановился на деятельности Кубад-шаха и его сына Хосрова Ануширвана, построивших вокруг Дербента оборонительную стену. Затем, как писал он, начинается период арабо-хазарских войн, и арабы появились в Дербенте, и к прибытию сюда Абу-Муслима «уже почти вся страна покорена была и пребывала спокойно» [1, с. 282].

Абу-Муслим разделил Дербент на семь магалов (кварталов) «и назвал их именами знатнейших единоверных с ним поколений и новообращенных народов». Под теми же именами Абу-Муслим «велел в каждой части города построить великолепные мечети, которые получили названия: 1. Гиссир, 2. Дамас, 3. Филистин, 4. Гемес, 5. Кисира, или Каисар Гелки (под именем которых история греков разумеется), 6. Чериси, 7. Муссул. Кроме того, в середине города была построена одна большая «для всех общая мечеть, которая Чума Месчиди (джума-мечеть. – Б.А.) называлась» [1, с. 282].

Эта джума-мечеть сохранилась до наших дней и представляет собой древнейшее здание города прямоугольной формы с выступами в центральной части южного фасада. Длина здания около 70 м, ширина – около 20 м. Интерьер мечети представлен двумя основными частями: вытянутым в направлении восток-запад и квадратным подкупольным пространством. В северной стене мечети устроено четыре входа. Один из них, главный, расположен на поперечной оси здания и представляет выступающий из плоской стены монументальный портал со стрельчатой арочной нишей и прямоугольным дверным проемом. Здесь в кладке имеются камни с высеченными на них надписями. На одном из них приведена дата строительства мечети – 115 г.х., т.е. 733–734 г. Дербентская мечеть – это не только древнейшая, но и самая крупная мечеть в Дагестане и на Северном Кавказе [3, с. 125–126; 7, с. 50, 55].

Как писал Я. Рейнеггс, обустроив город, Абу-Муслим не забыл и о каналах, из которых «Дербент из отдельнейших и весьма здоровых ключей получал довольно количество воды» [1, с. 282]. Он также отметил, что Абу-Муслим «зделал 6 больших ворот с железными затворами», которые назывались: «Баб-ил-Гечр, Баб-ил-Чегад, Баб-ил-Гемс, Баб-ил-Сетр, Баб-ил-Мегдум, Баб-ил-Кеме, и еще одни потаенные ворота, называемыя Баб-ил-Кипчик» [1, с. 282].

Эти ворота существуют и ныне и называются: Орта-капы, Баят-капы, Кырхляр-капы, Нарын-кала-капы, западные ворота, Джарчи-капы [7, с. 26–47]. Строительство их, согласно имеющимся надписям, относится к VI–XVIII вв. Позже остальных построены Кала-капы (X–XVIII вв.), западные ворота (X в.) и Джарчи-капы (XI в.).

Я. Рейнеггс писал, что при Абу-Муслиме город процветал, все в городе было благополучно, потому что, как отметил он, «калифы (халифы. – Б.А.) всегда неусыпным оком на него взирали и сам Шериф Гарун-ал-Рашид несколько лет в нем жил, отчего не только город, но и вся страна получила великое приращение, он со всех сторон торги производил, а Каспийское море получило от него имя Кулсум-дер-яси; он все то зделал, что

могло служить ко пользе его подданных и чего только можно было ожидать от такового человека, коего мудрость возвела на престол Магомета» [1, с. 281].

Я. Рейнеггс писал, что после Гаруна-ал-Рашида все изменилось, начался упадок Дербента, и поэтому он «не в состоянии более ничего достоверного объявить о сем городе», так как город, «равно, как и вся страна (Дербентское владение. – Б.А.) часто подвержен был переменам злобного жребия». Он отметил «беспредельное опустошение сей некогда цветущей и теперь еще весьма плодоносной земли», свидетельством чему являются великое множество развалин, которые находятся на полях, а в особенности «в гористой части сего княжества, из коих некоторые и в прахе сохраняют еще свое великолепие» [1, с. 283].

Я. Рейнеггс подчеркивает в связи с «беспредельным опустошением», что если бы «стены Дербента не для вечности были сооружены, то бы, может быть, предавно погибла память сего города» [1, с. 283].

И далее, восхищаясь этими грандиозными оборонительными сооружениями, Я. Рейнеггс писал об искусстве строителей, которые «страшные громады отесанных каменьев в крепостных стенах», имеющие толщину от 7 до 9 локтей, поднимали из моря, на расстоянии 80 футов на гору и здесь были уложены в крепость «Нарин-Калеси» (Нарын-Кала) [1, с. 283].

Он писал, что от крепости «Нарын-Калеси» по вершине гор к западу еще на 9 верст простираются несколько развалившихся башен, а между этими стенами имеются еще две другие толстые и крепкие поперечные стены, которые отделяют город и делят его «на три части: на верхнюю, среднюю и нижнюю» [1, с. 283]. Об этих стенах и трех частях города писал немногим ранее и С.Г. Гмелин, который отметил, что именно от Нарын-Калы «начинаются городские стены, с невероятным трудом построенные». Как писал он, одна стена идет по северной стороне города до самого моря, другая находится на южной, и обе они примыкают к замку, и так как «он лежит посредине, то они с ним вместе треугольник составляют» [2, с. 15]. О третьей стене он писал, что она от крепости идет на запад через горы и долины и по утверждению местных жителей «простирается до Черного моря» [2, с. 17].

Как и С.Г. Гмелин, Я. Рейнеггс писал, что около крепости в верхней части города живет князь (хан) «и другие знатнейшие при его дворе люди, средняя более всех наполнена жителями, а нижняя почти пуста и состоит из садов и пашенной земли» [1, с. 283]. С.Г. Гмелин указывал, что в дербентской крепости «которая самую малую часть города составляет, в находящихся подле замка строениях живут по большей части армяне... они живут так же смешанно с другими народами и в нижней части» [2, с. 18]. Он отмечал также (чего нет в сочинении Я. Рейнеггса), что в Дербенте жили персияне и татары, «несколько и индийцов» и «там находится еще смесь, происшедшая из татарской и персидской крови». По его же сведениям, в Дербенте было «четыре тысячи семей, между коими находятся сто армянских» [2, с. 19].

Я. Рейнеггс писал, что в главной дербентской стене остались только одни большие железные ворота, и это единственный проход в город. И он связывал с этими воротами название владения («страны»). Он, в частности, отмечал, что следует думать о связи «Темир-Каппи» (железные ворота) с тюркским названием Дербентского владения, известного у турок именно под этим названием. «Имя Темир-Каппи, – писал он, – которым оную страну называют, всему востоку известно», в особенности туркам [1, с. 283].

Только после общей характеристики Дербента, описания его крепости, стен, кварталов и частей и, конечно, его истории с легендами о строительстве дербентских оборонительных стен Я. Рейнеггс дает описание самого дербентского владения и города и освещает множество вопросов о положении и состоянии владения в 70–80-е гг. XVIII в.

И в первую очередь Я. Рейнеггс остановился на территории Дербентского владения, его географическом расположении, границах, составе и т.д.

Он, в частности, писал, что Дербентское владение «уезд Дербентский» «в западную сторону недалеко простирается, и в 10-ти верстах от Дербента на границах Табасарана уже смешанно лежат деревни обоих сих князей» (дербентского хана и табасаранского майсума. – Б.А.). Действительно, Дербентское ханство в 70–80-е гг. XVIII в. представляло собой небольшое феодальное владение. Территория его и границы были устойчивы и не менялись практически со времени его возникновения. В составе его перечисляются, как правило, и ряд земель, находящихся ныне в составе Азербайджана. Еще в 1722 г. И.-Г. Гербер в составе Дербента (т.е. как подчиненные городу) перечислял «уезды» Мушкур, Низават, Шабран, Рустау и Бермяк [4, с. 86]. Поэтому при описании территории и границ Дербента и его «уезда» он писал: «Уезд, к Дербенту подлежащий, не великим расстоянием от города по берегу к норду (северу. – Б.А.) 15 верстах до хайдаков или речки Дарбан (Дарбах. – Б.А.), которая речка и означала границу ширванскую; к зюйду (югу. – Б.А.) по берегу 30 верст до реки Самуры; и от моря вдоль до нижней горы или Табасарани 4,6 и до 8 верст. Однако ж Дербенту подчинены многие другие уезды в Ширвани» [4, с. 85].

Речь в описании И.-Г. Гербера идет именно о перечисленных выше «уездах». Но Я. Рейнеггс (70–80-е гг. XVIII в.) перечисляет не все пять этих уездов, а только два из них. Остановившись на составе Дербентского ханства, он писал: «Ко Дербенту принадлежат следующая. Беремиску (Бермяк. – Б.А.), Рыкал (Рустау. – Б.А.), Кемакт, Силтиан (Салик ? – Б.А.), Мул (Моллакент. – Б.А.), Течати (Татлар. – Б.А.), Саванабад» (Сабанава. – Б.А.) [1, с. 284]. Конечно, приведены не все села Дербентского ханства, их в период Я. Рейнеггса в составе ханства было до 15. Но, как видим, среди них даны и два села, перечисленных еще И.-Г. Гербером как подчиненные Дербенту «уезды» Ширвана. Но Я. Рейнеггс писал еще о двух селениях в составе Дербентского владения – «Шалгау и одна большая жидовская деревня» [1, с. 28]. Шалгау, очевидно, это Джалган, а что за «большая жидовская деревня», трудно сказать, так как жители бывших еврейских селений ныне считаются азербайджанцами.

Перечислив села ханства, Я. Рейнеггс писал, что южные границы Дербентского ханства «еще не совершенно известны», т.е. еще точно не установлены, «а в южно-западную сторону простираются оне до самого Гази-Кумука» [1, с. 284], в чем, конечно, он был неправ. Собственно Казикумухское ханство – это владение, находящееся в горном Дагестане, а Дербентское владение занимало территорию плоскостного Дагестана, и границы их земель нигде не пересекались.

Я. Рейнеггс, переходя к занятиям населения Дербентского владения, как и другие авторы, писавшие о нем, приводит интересный материал о развитии различных отраслей хозяйства этого владения. Прежде всего он отметил, что земля Дербентского ханства «весьма плодородна и исключая (кроме. – Б.А.) садов приносит довольно пшена, хлопчатой бумаги, хлеба и шафрана» [1, с. 284]. И это действительно было так, что подтверждают и сведения о занятиях жителей Дербентского владения, которые имеются в работах других авторов, побывавших здесь. Дербентская земля действительно была

«плодородной». Еще в первой трети XVIII в. И.-Г. Гербер писал, что жители Дербента «по обеим сторонам за городом ... имеют пашен довольно число и добрых виноградных и других садов, всяких овощей, яблонь, груш, персиков, сизи, гранаты и прочие, также дыни и арбузы около города везде имеются бесчисленно» [4, с. 86]. Так же обстояло дело в Дербенте и Дербентском владении и во время пребывания здесь Я. Рейнеггса. Еще немногим раньше Я. Рейнеггса побывавший в Дербенте в конце 60-х гг. XVIII в. С.Г. Гмелин писал о нахождении «к усмейским горам» «изрядных дербентских садов». «Кроме немногих огородных овощей, – отмечал он, – как-то огурцов, капусты и прочего, насажены по большей части в оных виноградных лозы и различные плодоносные деревья», а плодами «в здешних огородах» были «разные породы самых вкуснейших яблок, груш, айвы, также персики, апрокозы, миндаль, инжир и гранаты». Об урожайности этих деревьев С.Г. Гмелин писал: «Сии деревья ... чрезвычайно плодоносны» [2, с. 31–32].

Я. Рейнеггс не перечислял, как отмеченные авторы, какие именно фрукты выращивались жителями города в садах. Но приведенные сведения из работ других авторов как бы дополняют его сведения о дербентских садах и подтверждают правдивость его слов, что дербентцы «к виноградным садам прилагают ... довольно старание» [1, с. 284].

Как писал Я. Рейнеггс, дербентцы занимались и другими отраслями земледельческого хозяйства, и этому, в первую очередь, способствовала сама плодородная земля и, конечно, старания, усилия населения, которое тщательно обрабатывало землю, поливало ее. Дербентцы поливали поля из рек Рубас, Керкени(?), Самур, Кусар, Ялама [1, с. 284].

Именно непрерывная работа по сохранению плодородия способствовала тому, что и в последующем дербентская земля оставалась наиболее благоприятной частью на плоскости для занятия различными отраслями земледельческого хозяйства. «По ту сторону Дербента, до реки Рубас и даже до Самура, – писал в начале XIX в. участник Персидского похода 1796 г. С.М. Броневский, – простираются прекрасные и плодородные долины, заключающие в себе луга и пахоту и по берегам рек прилески или рощи большею частью из плодовых деревьев состоящие» [8, с. 329–330]. Немногим позже П.А. Зубов писал, что «от Дербента до р. Самура природа представляет роскошную долину, на коей степень растительной силы почти невероятна. Долина сия орошена реками, впадающими в море, покрыта живописными разнообразными и привлекательными рощицами, в которых почти все деревья плодоносные» [9, с. 229].

И такая земля позволяла заниматься различными видами занятий. Как писал Я. Рейнеггс, дербентцы занимались не только разведением хлопчатой бумаги и шафрана, но и шелководством. У них были шелковые заводы, они занимались торговлей, развиты были у них и «разных родов рукоделия», а также делали «шелковые и бумажные материи, тафту и платки» [1, с. 284].

Интересный материал по этим вопросам собрал П.Г. Бутков, который в 1796 г. писал, что в Дербенте имеются не только 30 «фабрик небольших шелковых материй», но и 6 караван-сарая, 500 «лавок всяких», один монетный двор и 115 фабрик бумажных [10, с. 202]. Но Я. Рейнеггс писал, что дербентские «шелковые заводы могли бы быть ... в лучшем состоянии, но оные здесь так же, как и в целом востоке, оставляются в попечении женщин». Он отметил и не очень хорошее качество вина, так как, хотя дербентцы «к виноградным садам прилагают ... довольно старание, однако ж вино их теряет почти

всю свою доброту для того (потому. – *Б.А.*), что они не умеют надлежащим образом» готовить его [1, с. 284].

Как видно из приведенных выше слов, Я. Рейнеггс особо не останавливался на торговле Дербента, указав лишь, что дербентцы «упражняются» и торговлей. Но, как известно, торговля была одним из главных занятий населения Дербента, о чем говорят и приведенные выше сведения о наличии здесь 6 караван-сараяв, т.е. гостиниц для торговцев, о которых писал П.Г. Бутков. Он же отмечал: «Торг дербентский знатнейший в морене, которой до шести тысяч пудов отправляется морем в Астрахань на российских судах и сухопутно в Кизляр. Туда же отправляют несколько шафрану; а в Баку уголья, фрукты, сырые и сушеные, доски карагучевые, шерсть, пшеницу и пшено» [10, с. 202–203]. А через 10 лет после П.Г. Буткова участник военных действий в Дагестане в 1806–1808 гг. прапорщик А.А. Кремский писал, что в Дербент из Астрахани привозят «на российских судах: сукна, брусковую краску, консенель, сандал и другие красильные материалы, сахар, юфть, железные, холщевые, шелковые и из металлов сделанные вещи, писчую бумагу, мягкую рухлядь, съестные припасы и всякий домашний скарб, сукна тонкие и более кармазинные» [11, с. 234].

И далее, продолжая говорить о торговле в Дербенте, А.А. Кремский писал, что кроме российских товаров сюда привозят из Шамахи: шелк и шелковые материи, произведенные там (мовидрай, шемандруз, иладжи и др.); из Тарков и из соседних мест: морену, кубачинское сукно, бурки, медь, коровье масло, мерлушки, горские сушеные груши, ружья, пистолеты и сабли кубачинские; из Баку смолу, нефть и соль. Из Дербента же вывозили сухопутно в Кизляр и на российских судах в Астрахань морены до шести тысяч пудов; в Баку: уголь, фрукты, сырые и сушеные, доски карагучевые, шерсть, пшеницу и пшено, собираемые в Кубинском ханстве [11, с. 234].

Еще до А.А. Кремского в 1796 г. Ф.Ф. Симонович о торговле горцев Дагестана с Дербентом писал, что они, занимаясь скотоводством, делали сукно, ковры, попоны и другие шерстяные ткани, производством которых занимались женщины. Мужчины же вырабатывали овчинные меха и другие кожи. И все это, как и шерсть, вывозили в Дербент и Кубу и меняли на хлеб, сарацинское пшено, шелк, хлопчатую бумагу, соль, нефть и на деньги. А из этих городов вывозили в Баку «мариону, хлопчатую бумагу и хлеб на размен, как-то: на соль, нефть и русские товары особливо же на железо и разные из оного вещи деланные» [12, с. 139].

В целом же Я. Рейнеггс высоко оценивал возможности Дербентского владения, в особенности в плане торговли. «Сия провинция, – отмечал он, – могла бы по справедливости щастливейшею назваться, ибо положение ее весьма способно для торговли и плодородие земли обещали ей всю возможную пользу». В том, что все это не было претворено в жизнь, Я. Рейнеггс обвинял правителя Дербентско-Кубинского владения Фатали-хана, который по несогласию «с пограничными (соседними. – *Б.А.*) народами подвергает жителей всегдашним беспокойствам» [1, с. 284]. Я. Рейнеггс здесь имеет в виду слишком активную внешнюю политику Фатали-хана, который присоединял к своему владению территории других владений, вмешивался в дела соседних азербайджанских ханств и обществ Южного Дагестана, интриговал и настраивал против себя дагестанских феодальных владетелей. «Неограниченные его замыслы, – писал он, – доводят его до излишних издержек и до такой нужды, к преодолению которой едва находит он средство без притеснения своих подданных». Как писал далее Я. Рейнеггс, «слава об нем носится и вне границ его» [1, с. 284]. Именно поэтому он решил кратко остановиться на его истории.

На основе собранного материала Я. Рейнегтс писал, что род Фатали-хана «происходит от утцума из Каракайдека». Развивая эту версию, он писал, что один из братьев уцмия по имени «Мерун-хан взбунтовавшись искал случая к похищению престола, но не в силах будучи преклонить всех на свою сторону», со своими сторонниками бежал в «Гудат» (Худат). Но здесь им было не совсем комфортно, так как они терпели «от лезгинцов величайшие беспокойства, и будучи от них жестоко притеснены», вынуждены были «удалиться к востоку в старой оставленной город, лежащей на правом берегу реки Коаммы, которой прежде назывался Кудиал, а после переименован Кубой» [1, с. 284–285]. Но и здесь они не нашли покоя. Убив местного князя Ахмед-хана, лезгины в 1725 г. взяли Кубу, и спасся только один младший сын Ахмед-хана – Гусейн-хан, который «бегством живот свой спас и у Магомета Гасан-хана, князя дербентского, нашел себе убежище и безопасность» [1, с. 285].

В Кубе лезгины были до Надир-шаха, который, как писал Я. Рейнегтс, был «непримиримой неприятель лезгинцов», «теснил и, сокрушая их везде, где они ему попадались, из Кубы их также выгнал, а город возвратил Гусейну-Али». Старания лезгинов после смерти Надир-шаха отнять Кубу не имели успеха, «знатность и праводушие дербентского князя Магомета Гасан-хана усмирило» дагестанцев, и он сделал все, чтобы утвердить «Гусейна-Али в его владении – «принял его в свое семейство и дал ему сестру в замужество» [1, с. 285].

Гусейн-Али вскоре забыл о добре, сделанном ему Магомед Гасан-ханом, «подговорил некоторых вздорных и необузданных жителей Дербента переселиться в Кубу, объявил себя защитников деревень, которые отреклись от послушания дербентскому князю и по многих тщетных жалобах от Магомета Гасан-хана принесенных, сделались они неприятелями между собою» [1, с. 285].

Далее Я. Рейнегтс отмечал, что день ото дня дела Гусейн-Али ухудшались, «недостатки его час от часу умножались», и, не зная выхода, он начал разбойничать. Имея на службе «несколько лезгинцов», он напал с ними на дербентские деревни, разорял и грабил их, хотя против самого Дербента ничего и не предпринял. Он стал также захватывать соседние ханства – Шемаху, Шеки и др., и все это оставив своему сыну Фатали-хану, возвратился в Кубу и там умер [1, с. 285].

Переходя к деятельности Фатали-хана, Я. Рейнегтс остановился на его отношении к дербентскому хану Магомед-Гасану, в связи с чем писал: «Фет-Али-хан поспешно набрал лезгинов довольно число и с оными напал на Магомета Гасан-хана, родного своего дядю, и на город Дербент, которой изменаю подданных тот час был ему предан». Не видя ни откуда помощи и «никакой надежды на жизни», Магомед-Гасан-хан решил идти навстречу Фатали-хану, был пойман и в Кубе убит. Были убиты все члены его семьи, «кроме брата, который умер в Шемахе» [1, с. 285–286]. После этого Фатали-хан напал на Шемаху и завладел ее нижней частью [1, с. 286].

Эти и последующие события в Северном Азербайджане и Южном Дагестане Я. Рейнегтсом изложены довольно сумбурно, безотносительно какого-то времени, какого-то года и весьма бессвязно. На самом деле, придя к власти, Фатали-хан действительно начал активную внешнюю политику. Одним из важных эпизодов этой политики было и присоединение к Кубинскому ханству Дербентского ханства, что имело место в конце января 1760 г. [13, с. 34], после чего и образовалось объединенное Кубино-Дербентское (или Дербентско-Кубинское) ханство. Дербентом в то время правил слабый и безвольный Магомед-Гусейн-хан, который заботился лишь о личном обогащении. Используя недо-

вольство народных масс, Фатали-хан вошел в тайные переговоры с жителями Дербента» [14, с. 375]. В то же время Фатали-хан заключил союз с шамхалом Тарковским, уцмием Кайтага и кадием Табасарана, после чего выступил против владетеля Дербента. Предварительно он овладел подчиненными Дербенту указанными выше «уездами» Мюшкюр, Низабад, Беш-Бармак и Шабран, и только после этого без особого труда овладел Дербентом, что было облегчено переходом на сторону Фатали-хана значительной части горожан [14, с. 375].

Не остановился Я. Рейнеггс и на взаимоотношениях Фатали-хана и уцмий Кайтага Амир-Гамзы, который выдал за первого свою сестру Туту-бике. После присоединения Дербентского ханства к Кубинскому ханству за помощь, оказанную ему, Фатали-хан, как и других владетелей – шамхала, табасаранского кадия, отблагодарил Амир-Гамзу – отдал ему сел. Малакалыл и разрешил сбор таможенных пошлин в Дербенте. Кроме того, он обещал выдать за него свою сестру Хадиджа-бике. Но Фатали-хан не сдержал свое обещание, выдав Хадиджа-бике за бакинского хана. Кроме того, Фатали-хан изгнал из Дербента сборщиков податей и отобрал у уцмий подаренную ему деревню Малакалыл.

Все это, конечно, обострило взаимоотношения Фатали-хана и уцмий Амир-Гамзы, и последующие события были связаны с этим. Но у Я. Рейнеггса не только нет упоминания об этих событиях, но и весьма туманно описаны и последующие события, связанные с деятельностью Фатали-хана, который не прекратил, а, напротив, усилил свою завоевательную политику в отношении соседних ханств, в которую были вовлечены и другие владения и народы Дагестана.

У Я. Рейнеггса они не упоминаются. Поэтому, думается, есть необходимость изложить события, происходившие после ссоры Фатали-хана и уцмий Амир-Гамзы. Фатали-хан понимал, что вести активную внешнюю политику в условиях всеобщего противостояния ему других владетелей будет трудно. Поэтому он предпринял шаги к укреплению дружественных связей, прежде всего, с тарковским шамхалом и сильной даргинской федерацией союзов сельских общин Акуша-Дарго. Фатали-хан «подарками и обещаниями... привлек на свою сторону даргинских старейших и приблизил к себе двоюродного брата казикумухского Магомед-хана Ильдар-бека, назначив наибом Дербента» [14, с. 376].

Дальнейшие планы Фатали-хана были связаны с Шемахой. Как писал А.-К. Бакиханов, «в 1181 (1767) г. хан кубинский и дербентский Фатх-Али-хан, соединившись с Гусейн-ханом Шекинским, с двух сторон осадил старую Шемаху» [15, с. 160]. Эти события Я. Рейнеггс описал так: «Но как Фету-Али-хану весьма желалось вовсе искоренить дербентское племя, то он спустя несколько времени со всеми своими силами напал на Шамаги. Хотя тамошний князь (Магомед Саид-хан. – Б.А.) с помощью Гусейн-хана из Шеки и с тысячью наемных лезгинцов и старался загородить ему путь, однако они были отбиты и Фет-Али-хан завладел нижнею частью города» [1, с. 286]. Когда Магомед Саид-хан и его брат Агаси-хан явились с покорностью, последний был ослеплен по приказу Фатали-хана. Но ему удалось бежать в Карабах и собрать отряд, а также привлечь на свою сторону шекинского Гусейн-хана и аварского нуцала, который прислал вооруженный отряд во главе с сыновьями хана, Булачем и Магомед-Мирзой [14, с. 376]. В произошедшем кровопролитном сражении Фатали-хан одержал победу, оба сына аварского хана погибли [15, с. 161].

Я. Рейнеггс об этих событиях писал: «Гусейн-хан (шекинский правитель. – Б.А.) спасся бегством, а предводитель лезгинцев Нуцал-хан, брат Авар-хана и непримиримый неприятель Фета-Али-хана, по неосторожности своей с малым числом людей засел в крепости, которую наконец он здал, с тем договором, чтоб ему и людям его безвредно вытти позволено» [1, с. 286].

И только после описанных событий Я. Рейнеггс пишет о том, что Магомед-Саид-хан – шемахинский князь был взят в плен и сослан в Дербент, а брат его «Ага-зи-бей», коему Фет-Али-хан велел глаза выколоть, спасся бегством и укрылся по ту сторону реки Кура в Караидаке, Могане, Ардевиле и Гилане. Он просил помощи у тамошних князей; но один только Гидает-хан, князь гиланский, через постредство свое и величайшими обещаниями принудил Фет-Али-хана отдать обратно город Шамага прежнему его владетелю и заключить дружественный союз» [1, с. 286].

Аварский Нуцал-хан не мог примириться с гибелью своих сыновей. В 1773 г., собрав большое войско, он выступил против Фатали-хана вместе с присоединившимся к нему Агаси-ханом и овладел Шемахой. Однако Фатали-хан вместе с отрядом бакинского хана и даргинскими ополчениями Акуша-Дарго прибыл в Ширван. В жестоком сражении, произошедшем вблизи старой Шемахи, Нуцал-хан был разбит. Фатали-хан, как писал А.-К. Бакиханов, обещая пощаду, пригласил Нуцал-хана к себе в лагерь, однако, «когда все три хана (Фатали-хан, Нуцал-хан и бакинский Мелик-Мухаммад-хан. – Б.А.) беседовали в палатке, акушинское ополчение, созвав, по обыкновению, из вольных горцев *джили* (общий совет), вызвали к себе Фатх Али-хана и из-за ненависти, которую они издавна питали к Нуцал-хану, потребовали его смерти. Будучи принуждаем, Фатх Али-хан приказал прорезать сзади палатку и вытащить из нее Мелик-Мухаммад-хана, опасаясь, что он подвергнется участи Нуцал-хана, который был сразу же убит вместе со всеми его товарищами» [15, с. 161].

Я. Рейнеггс опять-таки все это изложил бессвязно и сумбурно, останавливаясь на этих событиях, которые произошли после возвращения, как он писал, «города Шамаги прежнему его владетелю» и заключения дружественного союза: «Но лезгинцы, происшедшие из Акуши, чрез которых Фет-Али-хан умертвил Унцал-хана (Нуцал-хана. – Б.А.), тотчас себе вообразил сколь велика была их опасность со стороны соседа их, Авар-хана, которой конечно не упустит мстить кровь брата своего; но Фет-Али-хан разными обещаниями с немалым трудом отразил их, наконец от сего вредного для него раскаяния он сулил им разделить всю цену, которую обещал ему Гудае-хан за вольность князя шамагского, но как сей замедлил послать деньги, а лезгины (даргинцы. – Б.А.) требовали платы, то Фет-Али-хан, забыв клятву и заключенный союз, напал разбоем на Талиш и Гилан» [1, с. 286].

Заклятый враг Фатали-хана уцмий Кайтага Амир-Гамза воспользовался сложившимися обстоятельствами, «объединился с Магомед-тишсизом (владетель Казаница. – Б.А.) и его зятем Магомед-ханом Казикумыкским и выступил в поход против Фатх Али-хана, который срочно прибыл из Ширвана в Куба и стал собирать ополчение» [15, с. 161]. «...Князь Утцум, – писал об этих событиях Я. Рейнеггс, – которой между тем завладел Дербентом и разграбил его дочиста, лишил его всей надежды к получению дальнейшей прибыли и принудил поспешить на помощь к притесненному городу» [1, с. 286–287].

В связи с описанными событиями Я. Рейнеггс дает характеристику политике Фатали-хана и отмечает, к чему в конечном итоге она привела. «Неприятельские покуше-

ния, договоры, клятвы и вероломство, – отмечал он, – были единственным упражнением Фет-Али-хана, однако ж сие как усугублению его величества, ни к умножению блага подданных его нимало не служило. Пылая властолюбием и не имея способов к удовольствованию своей страсти, принужден он был приняться за последнее средство и в крайности своей принес себе на жертву имение достаточных жителей» [1, с. 287].

Интересно сравнить эту характеристику Фатали-хана с той характеристикой, которую дал ему за 10 лет до Я. Рейнеггса академик С.Г. Гмелин, который бывал у него на приеме и хорошо знал его. «Ему от роду около тридцати лет, – писал С.Г. Гмелин, – имеет шесть жен и по персидскому обыкновению пьет очень много. Сколько я примечать мог, то дербентские жители его нарочито любят. Власть его неограниченна, а доходов точно определить нельзя, потому что он подати накладывает смотря по обстоятельствам, и состоят оные в лошадях, скоте, всяком жите, пшенице, сорочинском пшенице и других плодах; во всех городах имеет собственные сады и пашни. Войско его, сказывают, простирается до сорока тысяч человек и состоит не только из персиян (местных жителей. – Б.А.), кои в воинской службе находятся и от хана жалованье получают, куль называются, но по большей части из наемных соседственных татар, из коих особливо в сию службу вступают лезгинцы» (речь идет об ополчении Акуша-Дарго, которых нанимал Фатали-хан. – Б.А.) [2, с. 23–24]. Содержание этого войска обходилось дорого Фатали-хану. Как писал далее С.Г. Гмелин: «Сие наемное войско есть причиною превеликих ханских расходов. Все, что он с подданных собрать может, расходится на оное; и хотя подданные хана своего и любят, однако ж не недостает при том и жалоб, и весь Дербент желает, чтоб возвратились те щастливые времена, в которых Ширвань была под скипером российским. Хану же напротив того по причине безпрестанного мятежа его соседей надобно войско. На сие подданных не довольно, и так должен он стараться о присовокуплении чужих. Сие хотят хорошей платы, а деньги вместе с другими потребностями должны платить подданные, коим для того такая должность довольно трудною быть кажется» [2, с. 24].

В таком критическом, можно сказать, безвыходном, положении, когда нужны были большие средства на содержание огромного ополчения для ведения активной внешней политики, а во владении уже не с кого было их взять, находился Фатали-хан. Из создавшегося положения Фатали-хан находит необычный выход, что видно из следующих слов Я. Рейнеггса: «Когда уже не в силах был (Фатали-хан. – Б.А.) грабить чужия земли в самое же то время, когда уже не оставалось в его княжестве не единого подданного, которой бы мог богатством своим похвалиться, пристал к Дербенту индейский купец с подарками к царю Ираклию» (Ираклий II – кахетинский царь. – Б.А.) [1, с. 287].

Фатали-хан не мог устоять перед дорогостоящими подарками, и, как писал Я. Рейнеггс, их редкость, а в особенности «цена их, восходящая до 200 000 руб., привела Фет-Али-хана в соблазн подарки сии отнять, а купца отпустить с пустыми руками». Ираклий, естественно, обиделся, но будучи добродушным человеком, простил Фатали-хану этот поступок и заключил союз с ним и карабахским Ибрагим-князем. Союз был утвержден «присягою и торжественною клятвою» 29 ноября 1782 г. Однако, как отметил Я. Рейнеггс далее, «после нескольких месяцев Фет-Али-хан раскаялся о заключенном союзе, потом 1783 года в январе месяце напал он на Ибрагим-хана, разграбил часть провинции Карабаха (Черной сад), а увел с собою около 1200 жителей без малейшего сопротивления» [1, с. 287]. Но против Ираклия он ничего не предпринял. И «наконец разделяя добычу наемным своим лезгинцам (наемным даргинцам из Акуша-

Дарго. – Б.А.), которые ему помогали, в такой бедности возвратился в Дербент, в какой из онаго выехал» [1, с. 287].

В этом был весь Фатали-хан, о чем Я. Рейнеггс писал так: «В сих словах заключается краткая история князя сего. Когда душа, судя по наружному его виду, кажется совсем неспособного ко всем вышеупомянутым действиям, в обхождении он весьма ласков, склонен к жалости, если нужда не заставит его быть жестоким, в безпримерной своей щедрости забывает он самого себя, род свой, и истощенное государство». Я. Рейнеггс отмечал, что Фатали-хан не был стяжателем, не стремился к обогащению. «А по сему, – подчеркивал Я. Рейнеггс, – и неудивительно, что он претерпевает всегдашнюю бедность; сколь же скоро собственной его недостаток неимущества, подданных его щедростию, то грабеж, где только можно ему им воспользоваться, есть одно средство служащее к успокоению его желаний, а он ничего не ищет кроме славы, заслужить имя героя, по крайней мере хотя азиатского» [1, с. 287].

Как отмечает Я. Рейнеггс, если бы судьба «не разсудила за благо отказать сему человеку в нескольких миллионах доходу», то он мог быть «славен добродетелию и неподражаем в великодушии», однако «при несправедливости щастия своего получает достойное он имя по делам своим и в следующей его нужде не может он пользоваться ни благодеянием моря, ни богатой жатвой земли своей» [1, с. 287–288].

Таковы сведения о Дербенте и Дербентском владении, которые собрал и издал в своем сочинении немецкий ученый-медик Якоб Рейнеггс. Как видно из приведенного выше материала, эти сведения касаются многих вопросов истории и социально-экономического и политического положения Дербента и Дербентского владения. Много сведений по истории Дербента, о строительстве крепостных стен, структуре Дербента, его кварталах, воротах, мечетях, хозяйстве жителей, деятельности Фатали-хана. Конечно, не все, о чем писал Я. Рейнеггс, верно или имело место. Но в целом все представленные в его работе сведения об этом древнем и широко известном городе и феодальном владении, возглавляемом им, представляют большой интерес для исследователей, занимающихся изучением истории Дербента и Дербентского владения и Дагестана в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. / сост., введ., вступ. ст. к текстам и примеч. В.Г. Гаджиева. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992. 304 с.
2. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб: Иждивением императорской АН, 1785. Ч. 3, половина первая. 336 с.
3. Дербенту 5000 лет / авт. текста А.А. Кудрявцев, сост. Б.Ш. Нувахов, фотосъемка А.А. Кучеренко, худож. Р.А. Казаков. М.: Сов. Россия, 1989. 158 с.
4. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы / под. ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева (далее – ИГЭД). М., 1958. С. 60–120.
5. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. 578 с.
6. Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935. 813 с.
7. Касумов Н.К. Дербенту – 5000. Махачкала: Юпитер, 2003. 136 с.
8. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1. 362 с.; Ч. 2. 471 с.

9. *Зубов П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом и финансовом отношениях. СПб., 1835. Ч. 3. 268 с.

10. *Бутков П.Г.* Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 200–208.

11. *Кремский А.А.* Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. 1806 г. // ИГЭД. С. 234–236.

12. *Симонович Ф.Ф.* Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 138–156.

13. *Магомедов Н.А.* Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв. Политическое и экономическое развитие. Махачкала, 1998. 248 с.

14. История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. I. 432 с.

15. *Бакиханов А.-К.* Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. 304 с.

Поступила в редакцию 12.03.2019 г.

Принята к печати 26.06.2019 г.